

Фёдор Буслаев

Сочинения

**Том 1. Сочинения по археологии
и истории искусства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
Сочинения: Том 1. Сочинения по археологии и истории искусства / Фёдор
Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2022. – 563 с.

ISBN 978-5-518-06134-7

Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии
наук

ISBN 978-5-518-06134-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издание сочиненій покойнаго академика Ф. И. Буслаева, предпринятое Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, открывается трудами незабвеннаго учелаго по русской археологіи и исторіи искусства, хотя эти труды, въ его научной дѣятельности столли несомнѣнно на второмъ планѣ. Но въ то время, какъ учепные труды покойнаго по русскому языку и словесности стали уже съ давнихъ порть общимъ достояніемъ и явились въ нѣсколькихъ издашіяхъ, перепечаткахъ, учебникахъ и руководствахъ, археологическія сочиненія Буслаева незаслуженно остаются въ полной незвѣстности, по крайней мѣрѣ, для большой публики. Сочиненія эти, изданныя въ специальпыхъ журналахъ и сборникахъ; а также и въ общихъ журналахъ, не перепечатанныя впослѣствіи, доселѣ продолжаютъ быть извѣстными только специалистамъ, высоко цѣнящимъ ихъ достоинства. Между тѣмъ, сочиненія эти въ значительномъ большинствѣ могутъ служить научнымъ и эстетическимъ руководствомъ для начинающаго интересоваться этой областью знанія и если утратили частью свое специально-научное значеніе, вслѣдствіе появленія ряда новыхъ изслѣдований и работъ, то всегда будуть представлять великолѣпную пропедевтику художественно-исторического характера, которою могла бы гордиться всякая западная литература. Именно на этихъ работахъ легъ свѣтлый отпечатокъ тѣхъ радужныхъ впечатлѣній, «нечаянныхъ радостей, никогда прежде неиспытанныхъ наслажденій и захватывающихъ духъ поразительныхъ интересовъ», которые, по его собственнымъ словамъ («Мои Воспоминанія») «нескончаемой вереницей» открылись передъ нимъ, еще юношей, во время его двухлѣтняго заграничного путешествія въ 1839 и 1840 годахъ. Художественно-исторические взглѣды Буслаева воспитались на классическихъ древностяхъ, на руководящихъ сочиненіяхъ

Винкельмана, въ области христіанского искусства, на работахъ и изданіяхъ Дідрона, Шлаазе, Ріо, Комона, Румора, Ф. Пипера, Куглера и Лабарта. Его заграничное путешествіе въ 1864, 1870 и 1880 годахъ, съ продолжительными и внимательными осмотрами музеевъ и церквей, дало живое основаніе его знакомству съ различными стилями. Буслаевъ рано пристрастился къ собиранию гравюръ и ліцевыхъ рукописей и хотя исходилъ въ своихъ интересахъ къ исторической древности и старинѣ, отъ литературы, поэзіи и исторического изученія языка, однако же, зналъ область вещественной археологии по самымъ памятникамъ и постоянно имѣлъ передъ глазами пѣкоторые изъ оригиналы, въ области, наиболѣе его интересовавшей. Съ обычной остротою взгляда онъ съумѣлъ изучить древне-христіанское искусство, въ его исторической реальности въ Римѣ, романскую эпоху въ Нюренбергѣ, Регенсбургѣ и Бамбергѣ, готику въ Шартрѣ и ренесансъ во Флоренціи. И если свои художественные характеристики онъ еще строилъ на личномъ эстетическомъ впечатлѣніи, то умѣлъ представить это эстетическое воззрѣніе въ средѣ общаго исторического интереса и создаваемые имъ идеалы опредѣлить при помощи историческихъ типовъ. Не имѣя возможности стать историкомъ искусства, Буслаевъ оставался въ области археологии, сосредоточиваясь исключительно на содержаніи художественныхъ произведений и останавливаясь тамъ, где изслѣдованіе вопросовъ формы, ея образованія, развитія, мѣстныхъ стилей, потребовали бы отъ него сложной исторической критики и специальныхъ работъ.

Искусство древне-христіанское представляется поэтому въ сочиненіяхъ Буслаева столь же цѣльнымъ и нерасчлененнымъ историческимъ отдѣломъ, какъ и искусство византійское, являющееся для него цѣльнымъ организмомъ, вполнѣ самодовльющімъ. Съ этой точки зрѣнія памятникъ древне-христіанского и византійского искусства становится для него опредѣленнымъ образцомъ, при помощи которого онъ изслѣдуется произведенія искусства древне-русскаго, и въ этомъ образѣ онъ видитъ условно всѣ свойства пѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ.

Съ этой точки зрѣнія пользованіе, для анализа русскихъ памятниковъ, византійскимъ образцомъ, какъ пѣкоторымъ канономъ, являлось для Буслаева такимъ незамѣннымъ удобствомъ, что заставляло его заранѣе отказываться отъ всякаго исторического разбора этого самаго образца и всякаго изслѣдованія его собственныхъ источниковъ и его исторической формациі, а отсюда относительного значенія самого его содержанія и представляемыхъ имъ формъ. Отсюда, затѣмъ, и самые его взгляды на искусство романское и средневѣковое вообще не шли далѣе установки художественного типа, съ помощью которого оцѣнивалось произведеніе русской старины.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Такимъ образомъ, не вдаваясь въ задачи специалиста по исторії искуства, Буслаевъ стымѣль свое живое, такъ сказать, наглядное пониманіе памятниковъ средневѣкового искусства вообще приложить къ русской исторической археологіи, а эта область и познаніе русской древности и русской народной старины была съ самаго начала и осталась до конца его главной задачей. Буслаевъ былъ въ средѣ русскихъ ученыхъ не только европейскимъ ученымъ по преимуществу, но, въ своемъ родѣ, палѣоболѣ счастливо сложившимся мыслителемъ и писателемъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ и при жизни своей, во всей своей дѣятельности—Буслаевъ былъ человѣкомъ воспитанного вкуса, вѣрной и постоянной мѣры. Припоминая наши бесѣды съ нимъ и то, какъ современники его мало были подготовлены къ созрѣванію основного характера его научной дѣятельности, понимаешь, что его постоянная забота опредѣлить, точнѣе ограничить, выяснить, хотя бы съ ущербомъ для исторического горизонта, свою задачу — могла казаться привычкою узкаго специалиста и была въ явномъ, повидимому, противорѣчіи съ его переходами отъ русскихъ духовныхъ стиховъ къ Божественной Комедіи Данта. Въ настоящее время, обозрѣвая оставленныя имъ археологическія работы, нельзя достаточно надивиться необыкновенной ясности и точности его ума, а, главное, тому чувству мѣры, съ какимъ онъ работалъ въ отдѣлахъ, ему специально не знакомыхъ, и съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ ими пользоваться для построепія фундаментовъ русской археологической науки. Предлагая нынѣ почитателямъ Буслаева возобновить въ памяти своей имъ излюбленныя темы и разсмотрѣть характеры византійскаго, романскаго и готическаго періодовъ, можно быть заранѣе увѣреннымъ въ томъ, что именно эта указанная сторона въ учепой работѣ и литературномъ изложеніи Буслаева явится палѣоболѣ выгодной и свѣтлой.

Посвятивъ нѣсколько благодарныхъ строкъ памяти знаменитаго русскаго ученаго и своего незавѣшнаго учителя, мы должны сдѣлать въ заключеніе пѣсколько редакторскихъ объясненій и замѣчаній, до извѣстной степени вытекающихъ изъ всего вышесказанного, но также вызванныхъ нѣкоторыми случайными обстоятельствами. Главная задача редакціи заключалась въ возможно строгой и близкой перепечаткѣ сочиненій Буслаева, не касаясь не только текста, но даже, по возможности, и его ореографіи. Лишь въ двухъ, трехъ случаяхъ, гдѣ текстъ Буслаева сообщалъ невѣрную, впослѣдствіи исправленную или завѣдомо неточную дату, позволяли мы себѣ измѣнить ее, колѣ скоро этимъ не нарушалась связь съ дальнѣйшимъ текстомъ. Такъ измѣнена была датировка мозаикъ въ храмѣ Софії Солунской, св. Феодора въ Римѣ и базилики св. Амвросія въ Миланѣ. Согласно съ тѣмъ, сохранены и всѣ цитаты и ссылки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ

ссылокъ на «Исторические очерки», коль скоро эти ссылки касались описанныхъ тамъ памятниковъ, такъ какъ «Исторические Очерки» предположено перепечатать цѣликомъ, и сохранять цитаты въ данномъ случаѣ было бы излишнимъ ригоризмомъ. По возможности, сохранены также и самые снимки памятниковъ въ рисункахъ, сообщенныхъ самимъ Буслаевымъ. Понятно, что иные наброски гораздо болѣе отвѣчаютъ мыслямъ сочиненія, чѣмъ большіе и точные снимки. Но, если, напримѣръ (къ стр. 52), опущенъ совершенно рисунокъ мозаического изображенія Б. М. въ капеллѣ св. Венанція въ Латеранскомъ баптистеріи, то это сдѣлано потому, что рисунокъ этотъ певѣренъ, а фотографическаго спимка съ фигуры Б. М., нынѣ полузакрытой алтарнымъ кивориемъ, не существуетъ. Что касается, наконецъ, порядка слѣдованія отдѣльныхъ археологическихъ трактатовъ и статей ѡ. И. Буслаева, то, согласно желанію всѣхъ членовъ Отдѣленія, было решено въ принципѣ соблюдать, по возможности, группировку систематическую, коль скоро она была дана самимъ авторомъ. Такъ решено было соблюсти, по возможности, группировку «Историческихъ очерковъ» и перепечатать ихъ въ двухъ отдѣльныхъ томахъ. Сообразуясь съ подобными же обстоятельствами, редакція сохранила группировку статей въ «Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства» помѣстивъ ихъ при этомъ, какъ общеруководящіе трактаты, въ началѣ нынѣ представляемаго тома; слѣдующія затѣмъ статьи расположены въ обычномъ хронологическомъ порядке.

Н. Кондаковъ.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ

о

РУССКОЙ ИКОНОПИСІ.

Статья, предлагаемая читателю подъ этимъ заглавіемъ, имѣеть двоякую цѣль: во-первыхъ, объяснить главнѣйшія особенности русской иконописи, которыя одинаково стали непонятны въ наше время и для тѣхъ, кто привыкъ смотрѣть на этотъ предметъ съ точки зрењія поздняго западнаго искусства, и для тѣхъ, кто, ограничивая смыслъ иконы ея церковнымъ назначениемъ, находитъ неумѣстнымъ подвергать ее историческому и эстетическому разбору; и во-вторыхъ—обратить вниманіе интересующихся русской иконописью на тѣ данныя въ обширномъ кругу христіянского искусства вообще, которыя состоять съ нею въ связи, и знакомство съ которыми необходимо для составленія о ней яснаго и отчетливаго понятія. Для того принять путь сравнительного изслѣдованія, въ которомъ наша иконопись должна занять свое мѣсто между соотвѣтствующими ей явленіями въ истории христіянского искусства, какъ восточнаго, такъ и западнаго, и опредѣлить свое отношеніе къ послѣднему. Къ памятникамъ древне-христіянскимъ она относится, какъ къ своимъ источникамъ, а къ искусству западному, позднѣйшему, какъ явленіе столько же, какъ и оно, самостоятельное, и за-служивающее такого же уваженія по отношенію къ выражаемымъ єю по-

требностямъ исторической жизни. Отдавая справедливость достоинствамъ и западнаго и русскаго искусства, и находя недостатки въ томъ и другомъ, безпристрастная критика должна будеть придти къ тому результату, что обѣ эти половины въ художественномъ развитіи христіянскихъ народовъ восполняютъ одна другую, составляя гармоническое цѣлое только въ общей картинѣ исторіи искусства. Если такой взглядъ будеть достаточно выясненъ въ этой статьѣ, то онъ въ одинаковой мѣрѣ можетъ принести пользу, и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи, которое еще не утратило въ нашемъ отечествѣ своей силы, потому что иконопись принадлежитъ не къ прошедшимъ только, но и къ современнымъ интересамъ русской народности. Въ отношеніи теоретическомъ изученіе русскаго искусства, по преимуществу сосредоточившагося въ иконописи, будеть введено въ общую систему исторіи христіянского искусства, въ которой оно получить себѣ ясное опредѣленіе; въ отношеніи практическомъ производство иконописи разширить свои средства пособіями, предлагаемыми сравнительно-историческимъ изученіемъ этого предмета.

I. Сравнительный взглядъ на исторію искусства въ Россіи и на Западѣ.

Главнейшее свойство русской иконоискусства состоять въ ея религіозномъ характерѣ, исключающемъ собою всѣ другіе интересы, или падь пимп вполнѣ господствующемъ и всѣ ихъ въ себѣ поглощающемъ. И у другихъ народовъ церковное искусство стояло на этой же ступени религіознаго чествованія, но только въ самую раннюю, первобытную эпоху; тогда какъ у русскихъ это первобытное отношеніе къ предметамъ церковнаго искусства, какъ къ святынѣ, проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей исторіи, господствуя еще въ XVI и въ XVII столѣтияхъ однаково во всѣхъ сословіяхъ, и даже въ позднѣйшее время составляетъ завѣтную национальную принадлежность огромнаго большинства русского населенія.

Причиною такого многозначительного явленія русской жизни были мѣстная и историческая условія, задерживавшія христіянское просвѣщеніе Руси при раннихъ его начаткахъ. Во-первыхъ, малочисленность народонаселенія, размѣстившагося на обширныхъ пространствахъ и раздѣленаго лѣсами, болотами и другими преградами на группы, которыхъ, за отсутствіемъ путей сообщенія, съ трудомъ могли между собою сноситься. Отсюда, во-вторыхъ, медленное распространеніе начатковъ политической и религіозной цивилизациі. Слѣдовательно, въ третьихъ, крайняя бѣдность въ средствахъ для развитія художествъ, для которыхъ необходимымъ условіемъ бываетъ значительная степень въ успѣхахъ общественности, науки и вообще удобствъ жизни. Немногіе города, съ своими каменными церквами, украшенными иконописью и скульптурными прилѣпами, каковы Киевъ, Ростовъ, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ, Владимиръ, Москва, были въ продолженіе столѣтій счастливыми оазисами, разбросанными на необозримомъ пространствѣ между непроходимою глушью. Но и въ этихъ мѣстностяхъ, за трудностью сообщенія съ Византіею и съ Западомъ, и при крайней неразвитости умственныхъ интересовъ, искусство должно было оставаться на низшей степени своей техники. Для нашихъ предковъ было немыслимо интересоваться искусствомъ ради искусства, точно такъ же какъ и наукой и литературою ради умственного досуга, когда самая жизнь требовала болѣе тяжкихъ и важнѣйшихъ трудовъ. Надобно было въ одно и то же время сооруждать государственную жизнь изъ разрозненныхъ массъ населенія и проводить въ нихъ первыя начала христіянскихъ понятій, обращать ихъ въ христіянскую вѣру. Такъ было не только въ XI или XII столѣтияхъ, но даже

въ XV, XVI и въ XVII-мъ, о чём достовѣрныя свѣдѣнія сообщаютъ намъ житія позднѣйшихъ русскихъ святыхъ, которые пролагали первые пути по непроходимымъ дебрямъ и въ основанныхъ ими монастыряхъ учреждали первыя средоточія пачатковъ просвѣщенія въ необитаемыхъ дотолѣ пустыняхъ.

При недостаткѣ мѣстныхъ условій къ развитію, начатки христіянскаго просвѣщенія, въ продолженіе вѣковъ, могли только географически распространяться, оставаясь въ своей первобытности. Церковное искусство отъ XI до XV вѣка включительно оставалось на Руси почти на одинаковой степени совершенства, только оно все больше и больше распространялось по Россіи, украшая храмами новые города, которые современемъ становились значительными въ политическомъ отношеніи. Московское церковное искусство XIV и XV столѣтій въ архитектурѣ, иконописи, въ рѣзьбѣ, чеканномъ дѣлѣ и прикладахъ, не стало лучше искусства Владимира-Сузdalского XII и XIII столѣтій, а это послѣднее не было шагомъ впередъ противъ церковнаго искусства памятниковъ Новгородскихъ и Киевскихъ XI столѣтія. Въ теченіи этихъ четырехъ столѣтій (отъ XI до XV включительно) искусство на Руси имѣло характеръ преимущественно Византійскій. Сначала первыми зодчими, иконописцами и мусійныхъ дѣлъ мастерами были только выходцы изъ Греціи, Греки и родственные ими Славяне, потомъ немногие ученики ихъ изъ Русскихъ. Церковная утварь, оклады на образа и евангелія привозились изъ Греціи или дѣлались на Руси греческими мастерами и ихъ учениками изъ Русскихъ. При отсутствіи всякихъ иныхъ вліяній для умственнаго и художественнаго развитія, русские мастера должны были довольствоваться только византійскими образцами, которые впрочемъ не могли быть ни многочисленны, ни высокаго въ художественномъ отношеніи достоинства, потому что и само искусство византійское съ XI вѣка уже стало клониться къ упадку, да и наши предки въ простотѣ своихъ нравовъ могли удовлетворяться немногимъ, полученнымъ ими изъ Византіи. Русские подражатели чужимъ мастерамъ и самоучки, ограничиваясь немногими византійскими образцами, за недостаткомъ образовательныхъ средствъ и техническаго умѣнья, только искали и безобразили наследованный ими изъ Византіи стиль.

Исказеніе древне-христіянскаго и византійскаго стилей средневѣковыми варварами, извѣстное подъ названіемъ стиля Романскаго, было общимъ явленіемъ во всей Европѣ: на Западѣ оно продолжается до XIII вѣка включительно; въ Россіи, младшей по цивилизаціи и лишенной античныхъ, классическихъ преданій — включительно до XV-го. Когда на западѣ въ XIII вѣкѣ возникаютъ великолѣпнѣшіе памятники церковнаго искусства въ готическихъ храмахъ, украшенныхъ сотнями скульптурныхъ фигуръ, въ

которыхъ благочестивые мастера умѣли соединить глубокое религіозное чувство съ любовью къ природѣ, когда архитектура, будто въ вдохновенномъ порывѣ къ небу, устремляя къ облакамъ свои остроконечные арки и длинные пирамиды, служить видимымъ символомъ христіянской молитвы, обращающей умственные взоры горѣ, и своимъ повсемѣстнымъ развитиемъ готовлять благочестивую эпоху великихъ скульпторовъ и живописцевъ XIV и XV столѣтій,— въ то время на Руси церковное искусство, остановленное въ своемъ развитіи татарскими погромами въ Киевѣ, ищетъ себѣ, черезъ Владимиръ и Ростовъ, новаго пріюта въ начинающей господствовать Москвѣ. По разореніи Киева, Новгородъ стаѣ представителемъ на Руси византійского стиля; потому древнійше изъ русскихъ школъ почитаются Новгородскую, характеризуя ее византійскимъ вліяніемъ. Снова съ нѣмцами оживляютъ общественную жизнь въ Псковѣ и Новгородѣ и даются толчекъ въ развитіи умственному, ремесленному и художественному. Вліяніе запада на искусство въ Новгородѣ исторически можно прослѣдить даже отъ XII-го вѣка ¹⁾, но оно не могло заглушить начатки византійского стиля, какъ потому что не было оно систематическое и постоянное, такъ и потому, что ни западныя издѣлія, привозимыя въ Новгородъ, ни заѣзжие нѣмецкіе художники не могли дать особенно изящныхъ образцовъ, подражаніе которымъ дало бы новое направление русскому искусству, по той причинѣ, что самыя мѣстности на Западѣ, съ которыми сносился Новгородъ, не отличались значительными устѣхами въ искусствѣ ²⁾. Все же за Новгородомъ и Псковомъ остается неоспоримая честь сохраненія и нѣкотораго самостоятельного воздѣльванія русскаго церковнаго искусства въ эпоху, когда въ Киевѣ прекратилось всякое историческое движение, а Москва, занятая интересами политического преобладанья, не имѣла ни времени, ни средствъ для умственного, литературного и художественного развитія. Крайній недостатокъ техническаго умѣнія въ Москвѣ явствуетъ изъ того, что лучшія постройки XV и XVI вѣка были сооружаемы въ ней иностраннными зодчими, особенно Итальянцами, а расписывались Псковскими и Новгородскими иконописцами.

Самыя судьбы русской исторіи до половины XVI столѣтія сложились такъ, чтобы способствовать больше косненію, нежели усовершенствованію искусства. Киевъ, Ростовъ, Сузdalъ, Владимиръ такъ недолго пользовались своимъ историческимъ значеніемъ, что успѣли выработать въ своихъ стѣ-

1) Основывалася на преданіи о сосудахъ Антонія Римлянина, будто бы прибывшихъ изъ Рима, вѣроятнѣе, нѣмецкой работы.

2) Чему доказательствомъ служить такъ называемыя Корсунскія врата Новгородскаго Софійскаго собора, дѣланныя въ Магдебургѣ, при епископѣ Вихманѣ (+1192 г.), или не позднѣе начала XIII в. Adelung, Die Korssunsch. Thuren. стр. 101.

нахъ только самые первые начатки христіянской цивілізаціі. Псковъ и Новгородъ лишились своей самостоятельности въ половинѣ XVI столѣтія, именно въ ту пору, когда, на основахъ византійскихъ преданій, подъ благотворными вліяніями, своеzemными и иностранными, могли бы развить свое самостоятельное искусство. Москва въ XVI столѣтіи должна была художественную дѣятельность на Руси начинать снова, то есть, воротиться къ той первоначальной степени, на которой искусство стояло въ Кіевѣ и Новгородѣ еще въ XI и XII столѣтіяхъ. Это возвращеніе къ старинѣ давало особенную цѣну художественно-религіознымъ преданіямъ, достоинство которыхъ опредѣлялось дѣйствительнымъ или мнимымъ происхожденіемъ византійскимъ или корсунскімъ. Въ произведеніяхъ мастеровъ XVI вѣка цѣнилось не то, до чего дошли они сами и въ чёмъ выразили свои личныя способности, свое артистическое умѣніе и свои идеи, а то, въ чёмъ они ближе подошли къ старинѣ, жертвуя своей личностью вѣрности преданія. Икона предназначалась для молитвы, и такъ же, какъ молитва, не должна была она подвергаться измѣненію по личному произволу; отъ иконы требовали не новыхъ совершенствъ, а воспроизведенія древности, какъ того идеала, на которомъ основывается авторитетъ церкви.

Впрочемъ, исторія не прошла безплодно для нашихъ предковъ XVI вѣка. Грамотные люди того времени знали почти то же, что и ихъ отдаленные предшественники XII или XIV вѣка, и съ удовольствіемъ перечитывали сборники и другія писанія этихъ ранніхъ эпохъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что число грамотниковъ все болѣе и болѣе возрастало. Точно также и въ дѣлѣ искусства. Въ Москвѣ XVI вѣка оно не стало лучше того, какъ за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ заявило оно себя въ украшенії церквей мозаиками и стѣнною живописью въ Кіевѣ, Владимірѣ и Новгородѣ; но по требованію времени, число мастеровъ значительно возрасло; искусство отъ Грековъ и ихъ непосредственныхъ учениковъ, преимущественно монаховъ и церковнослужителей, перешло въ руки людей свѣтскихъ, поселянъ и горожанъ, между которыми къ половинѣ XVI вѣка такъ сильно распространилось оно, что сдѣлалось предметомъ ремесленного производства значительнаго класса рабочихъ, которымъ, какъ бы самостоятельному цеху, потребовалось дать особую организацію, а церковное искусство предохранить отъ порчи, неминуемо послѣдовавшей за распространеніемъ его производства между массами простаго народа.

Объ этомъ знаменательномъ фактѣ въ исторіи русскаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ Стоглавъ въ 43 главѣ, важное значеніе которой для иконописи такъ высоко цѣнилось нашими предками, что выписки изъ нея постоянно помѣщались въ видѣ предисловія къ иконописнымъ подлинникамъ.